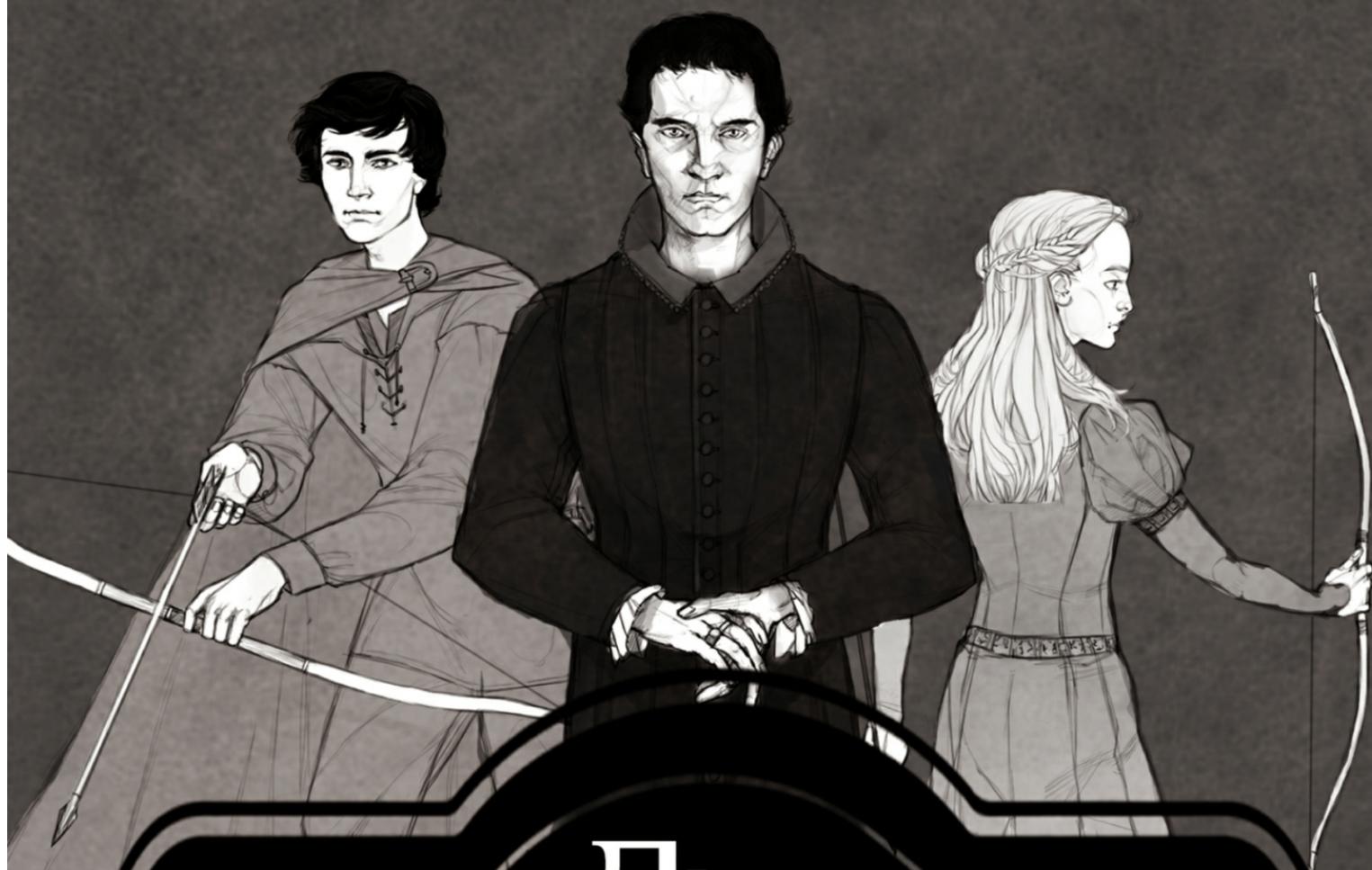

Акка
Хольм

Лук
для дочери
маркграффа

12+

Акка Хольм

Лук для дочери маркграфа

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Хольм А.

Лук для дочери маркграфа / А. Хольм — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-03330-6

В городке Эсхене не любят чужаков. Ещё меньше их любят в замке, что стоит за лесом. Но лучнику Такко везёт. Именно ему маркграф Оллард поручает выгодный заказ, а после — берёт на службу. Вскоре выясняется, что родовое владение хранит жуткие тайны. Дело за малым — распутать их и выбраться живым.

ISBN 978-5-532-03330-6

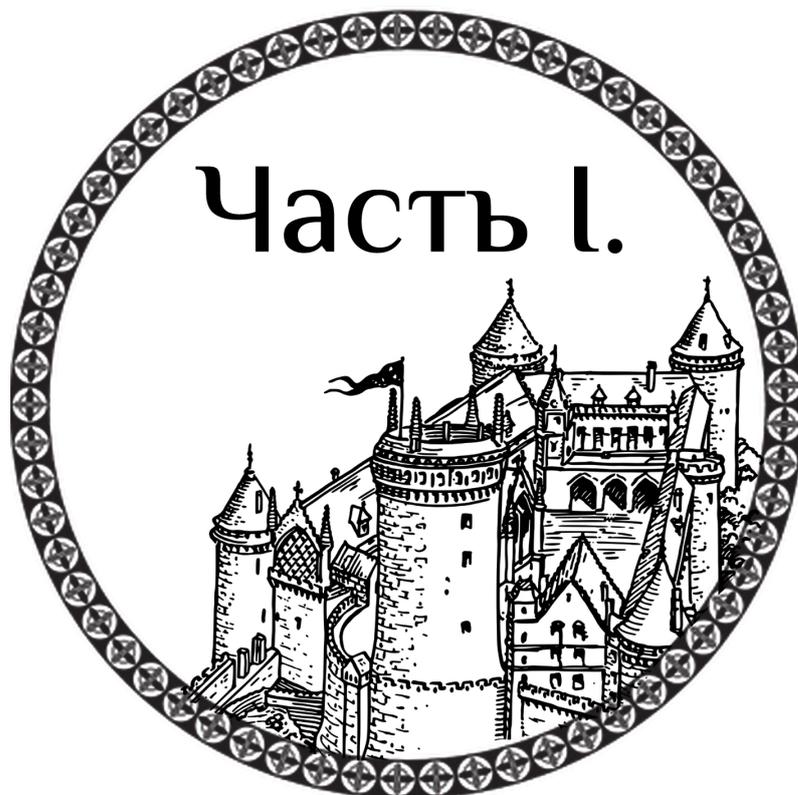
© Хольм А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Акка Хольм

Лук для дочери маркграфа

Глава 1

За те немногие годы, что Такко и Верен занимались охранять торговые обозы, они видели множество городов. Города различались очертаниями башен и шпилей, боем часов, говором и монетой, а ещё запахами. На Рассольном Мысу стоял рыбный дух и дым от солеварен. В Яблочном Затоне всё было пропитано пьянящей остротой сидра, а близ Чернолесья пахло тяжело и страшно: там подмыло береговое кладбище, и друзья поспешили убраться из этого зловещего места, едва получив деньги.

Городу Эсхену полагалось пахнуть чинно: кашей с салом, жареной капустой или мясной похлёбкой. Но нынче не миновало и месяца с Середины лета, и в каждом дворе сушили, варили, перетирали с мёдом ягоды. Их манящий, сладкий запах ощущался ещё за городскими стенами. Он кружил голову и поневоле напоминал, что молодые воины провели в дороге две недели, сговорчивых девчонок не видели и того дольше и что старшему из них – всего-то восемнадцать.

– Отдохнём пару дней, – заявил Такко, забросив дорожный мешок в угол и развалившись на лежанке. Комната на эсхенском постоялом дворе оказалась чистой, хоть и темноватой, купец рассчитался почти без обмана – чего ещё было желать?

– Отдохнём, куда деваться, – согласился Верен. Он прошёлся по комнате, будто ожидая засады, выглянул в окно и наконец со вздохом уселся на шаткий табурет. – Я расспросил внизу – в ближайшие дни никто ничего не повезёт. Вот как чуял недоброе от того купца! Как бы не застрять нам здесь...

– Да ну, яблоки уже убирают. Значит, кто-нибудь да поедет. Прогуляемся, а?

Верен проворчал, что зря взял в напарники неугомонного мальчишку, но ему самому явно хотелось поглядеть город. Вскоре они шли по узким улочкам, частью мощёным, частью плотно утоптаным. Прошагав две недели за обозом, было особенно приятно шататься без

всякой цели, разглядывать дома и посмеиваться над деловито снующими прохожими. Все были заняты, все, кроме них.

– О, маркграфский дом, – заявил Такко, указывая на большой каменный особняк с гербом.

– С чего ты взял, что не бургомистра? – спросил Верен.

Такко собирался ответить, что прочёл на воротах, но поскользнулся на выброшенных в проулок отбросах, чудом удержал равновесие и первым расхохотался над своей неуклюжестью.

– Не пил вроде с утра, – бросил Верен. – Пошли-ка отсюда.

– А занятно... – Такко задержал взгляд на окнах особняка, на одном из которых ветер шевельнул занавеску. – Не маловат ли город для маркграфской столицы?

Не сговариваясь, они оглянулись на реку в конце улицы, за которой темнел лес, а над ним высилась башня. Эсхенский замок был старым – настолько, что зарос густым ельником, а дорогу к нему, верно, заплёл колючий шиповник, как в сказке о спящей принцессе.

– И на башенных часах две стрелки, а не одна, как положено, – нахмурился Верен. – Не наше это дело, мал город или велик. Идём.

Улица вывела на рыночную площадь. Верен загляделся на ножи в оружейной лавке и заспорил с торговцем. Такко едва увёл друга, пока защищать качество товара не явился сам мастер. Они обошли весь рынок, пробуя всё съедобное и торгуясь без цели. День был в разгаре, в жарком воздухе стоял густой запах ягод, и заглушить его не могла даже вонь с мясных и рыбных рядов.

– А это неплохо придумано, – Верен указал на приспособление у городского колодца. Хитрая система зубчатых колёс поднимала ведро в два раза больше обычного, и очередь двигалась быстро.

– Вот ещё смотри, – Такко загляделся на похожее устройство на фасаде купеческого дома, явно облегчавшее подъем на чердак товаров и припасов. – Да они здесь не напрягаются!

Диковинные механизмы, две стрелки на башенных часах... Такко крутил головой и подмечал всё больше удивительного: подъёмные устройства имелись почти во всех лавках, а из стен сараев и конюшен торчали непонятные рычаги.

– Та ещё дыра, – вынес решение Верен. – Надеюсь, хотя бы ужин будет достойный. Сегодня обещали похлёбку и жареную рыбу.

– Возвращайся без меня, – предложил Такко. – Я ещё погуляю.

На самом краю главной площади притулилась пекарня. Её легко было найти и без деревянного кренделя на вывеске, по одному запаху. Такко зашёл поглядеть, что можно захватить на ужин, если на постоялом дворе подадут совсем никудышнюю стряпню.

Девчонки за прилавком стояли красивые – статные, румяные, как яблоки, с венцами светлых кос под игриво сдвинутыми назад чепцами. Ясное дело, у каждой отбоя нет от ухажёров, да и женихи наверняка имелись. Поболтав с красотками, Такко собирался взять хлеба и уйти, как в глубине за прилавком отворилась неприметная дверь и вышла ещё девица – в душистом облаке горячего мёда, пряностей и свежесдобленного теста.

Сначала Такко увидел её руки, державшие высокую корзину: мягкие, белые, с пухлыми, как у ребёнка, пальцами и очаровательными ямочками над округлыми локтями. Девица принялась выкладывать на прилавок свежую сдобу и выглянула из-за корзины – невысокая, кругленькая, под чистым фартуком и простым платьем угадывались крепкий стан и пышная грудь. Из-под наспех надетого чепца выбивались серовато-русые волосы, на курносом носу рассыпались мелкие веснушки. Девица взглянула подчёркнуто равнодушно, вздёрнула подбородок, и Такко мгновенно сообразил – не избалована ухаживаниями и не откажет даже ему, чужаку.

Он проводил её взглядом, и красавицы за прилавком прыснули:

– Никак приглянулась тебе наша Кайса?

Значит, её зовут Кайса. Имя простое и незатейливое, как хлеб, который она печёт.

Звякнул колокольчик, и в лавку ввалились сразу несколько покупателей. Такко подмигнул девчонкам, вышел, обогнул пекарню и зашёл с чёрного входа.

Здесь стоял нестерпимый жар от печи, а сладкий и густой дух мало что с ног не валил. Огромный дубовый стол был заставлен мисками и чашами с всевозможными начинками, в корзинках млели и таяли от жара свежие ягоды. Среди этого великолепия Такко не сразу заметил Кайсу. Она скинула фартук и нарядный чепец, оставшись в тонком нижнем платье, и завязывала за спиной тесёмки рабочего передника. Увидев Такко, дёрнула щекой с белым мазком муки и процедила:

– Вход в лавку с другой стороны.

– Я там был, – улыбнулся Такко, – только девицы за прилавком не такие красивые, как ты.

Кайса взглянула раздражённо и недоверчиво:

– Смеяться надо мной вздумал? Иди-ка отсюда, пока за ухват не взялась!

– Вовсе нет. – Такко ногой подвинул табурет, стоявший у стены, и уселся. – Ты правда очень красивая. У тебя глаза, как небо перед грозой, как оружейная сталь. А руки белы, как ледники на горных вершинах. Готов спорить, что таких искусных рук во всём городе не найдётся. Тем двоим за прилавком и простого каравая не испечь, а ты вон какую красоту творишь.

– Хлеба не получишь, – нахмурилась Кайса. – Здесь не подают. Иди у ратуши проси.

– Не надо мне хлеба, – рассмеялся Такко и хлопнул по кошелю, где звенело полученное от купца серебро. Мелкое, но Кайса этого не знала. – Могу сам угощать. Только на тебя поглядел и забыл, что не обедал.

– Ну хватит! – рассердилась Кайса. – Я хозяйку зову.

Она и вправду направилась к двери, ведущей в глубину дома. Такко задержался на пороге:

– До завтра, красавица.

Кайса крикнула ему вслед что-то о кипятке, которым привечают незваных гостей. Такко не обернулся.

– Работы нет, – сообщил за ужином Верен, успевший потолковать с местными. – Я тебе больше скажу: говорят, они тут до Черничного дня не ездят на чужие ярмарки. Вся торговля – внутри города!

– До Чернички три недели, – прикинул Такко. – Неужто правда никто не поедет? Может, просто цену сбивают?

– Может, и так. Только мне сразу не понравилось, как легко тот купец согласился нас взять. Как знал, что отсюда не выбраться. Эх, и отчего я про этот клятый Эсхен загодя не расспросил!

– За три недели мы с тобой проживём всё до медяка, – задумался Такко. – А не дёрнуть ли нам ещё куда?

– Менять дыру на дыру? – фыркнул Верен. – Я больших городов ближе Нижнего Предела не знаю. А без лошадей туда те же три недели идти...

– Если только в дороге к кому прибьются... – Такко замолчал на полуслове. Мало кто рискнёт связаться в дороге с двумя вооружёнными парнями. Кто разберёт, охранники или разбойники.

– Подождём с неделю, – заключил Верен. – Думаю, кто-нибудь да поедет. Купцы чтят закон, пока серебро не зазвенит.

Назавтра Такко снова явился к Кайсе с мешочком орехов и застал её с напарницей – смешливой и разговорчивой девчонкой. Привычно-обиженное выражение на лице Кайсы сменилось недоверием, когда Такко подчёркнуто отдал ей предпочтение перед более красивой подругой. Уходя, он отметил, что лёд в её взгляде чуть потеплел.

– Тебе, верно, заняться нечем! – Кайса всплеснула руками, когда Такко явился на третий день с узорным платком, извлечённым из недр дорожного мешка. Ни сам Такко, ни Верен не помнили, для кого он был куплен, но Кайсу определённо должен был украсить: по серому полотну порхали голубые птицы, и неяркие глаза девушки должны были засиять небесной синевой.

– Заняться и вправду нечем, – признался Такко, – пока кто-нибудь из ваших обоз не соберёт.

– Не соберёт, – фыркнула Кайса. – До Чернички никто на ярмарки не ездит. Этому закону больше ста лет. Хоть бы расспросили, прежде чем идти сюда!

– Вот и славно, – сказал Такко, пряча разочарование. – Значит, буду каждый день к тебе ходить.

– Мало мне забот, – пробормотала Кайса. Но платок взяла.

Вечером Такко с Вереном высыпали оставшиеся монеты на стол и раскладывали их кучками: на жильё, на еду, на крайний случай.

– Похоже, до Чернички нам всё же не выбраться. Либо сейчас идти порожняком, либо ждать.

– Да я тут уже потолковал кое с кем, ездят они, – задумчиво сказал Верен. – Надо ждать и искать жильё подешевле.

– Здешний ночлег нас за неделю разорит, – согласился Такко. – Жильё я найду.

Кайса взялась разузнать, кто в городе пускает постояльцев. Такко и не ожидал от неё такой прыти. Дом отыскался на следующий же день: вдова бондаря сдавала чердак в старой части города. Первый этаж, где раньше была мастерская, пустовал, на втором обитала хозяйка, строгая и любопытная женщина, а под самой крышей была отгорожена большая и светлая комната с отдельным входом, куда вдова пускала жильцов.

Кайса сама отвела друзей к дому, ждала за воротами, пока они разговаривали с хозяйкой, и искренне обрадовалась, когда ударили по рукам. На прощание Такко поцеловал Кайсу в висок. Она отстранилась, с такой привычной уверенностью поведя плечом, что он облегчённо выдохнул, поняв, что не будет у неё первым, а значит, окажется забыт столь же быстро, сколь и другие.

На обратном пути Такко заглянул в лавку к лекарю. Кое-какие травы и корни остались с прошлого раза, но для нужного сбора этого было мало. Верен только фыркнул, принявшись к кружке, где настаивался отвар:

– Опять ты за эту мерзость взялся! Что она, сама не сообразит, что делать? Или ты вовремя не успеешь?

– Оно надёжнее, – отмахнулся Такко и вышел с кружкой во двор. От сбора горело во рту и колото в боку, но средство было верное. Такко обходился без него, только если покупал удовольствие у тех, кто и вправду лучше него умели избежать ненужных последствий. От Кайсы он таких знаний не ждал, потому заранее смирился с мерзким пойлом, но не с насмешками Верена.

– Завтра будем справлять новоселье, – сообщил Такко Кайсе, сидя на привычном уже табурете в пекарне. – Вдова взяла три дня, чтобы прибраться: считай, припрятать подальше всё ценное. Осталось найти заработок, и можно жить.

– Дитмар-лучник мог был тебя взять, – подсказала Кайса.

– Ходил уже, – поморщился Такко, – и видел, как живётся его подмастерьям. Не надо мне такого счастья.

– У бургомистра и маркграфа всегда есть работа.

– С этими вообще не хочу связываться, – Такко мотнул головой. – Мне бы что попроще. А, не бери в голову! Сам найду заказы, невелика трудность.

– Подумай всё же, – вздохнула Кайса. И добавила одними губами: – Может, останешься...

– Мы сегодня вечером пойдём на реку, – сказал Такко, пропустив её последние слова мимо ушей. – Мясо пожарим, на деревню посмотрим.

– Куда? – насторожилась Кайса.

– Да тут недалеко. К мосту. И подружку захвати. Как стемнеет, я вас обеих до дома провожу, чтобы никто не обидел. Придёшь?

– Скорее, тебя самого обидят, – фыркнула Кайса. – Посмотрим.

Разумеется, вечером они пришли – обе в чистых платьях, Кайса – в подаренном платке. Костёр горел ровно, мясо на палочках зажарилось как надо, овощи запеклись в углях до медовой сладости. На другой стороне реки перекрикивались косари, по мосту в обе стороны следовали люди и повозки, и девицы полностью уверились, что здесь их не обидят. Такко обнимал Кайсу, когда она отворачивалась от дыма, касался губами волос, выбившихся из-под платка, и перемигивался с Вереном, который только головой качал.

Солнце село за башню замка, и Верен заявил, что пора проводить подруг домой. Такко придержал Кайсу за локоть:

– Не хочешь пройтись к мосту?

Он загодя приглядел там уютный уголок, где лежало толстое бревно, облюбованное местными для вечерних разговоров. Сейчас все добропорядочные жители сидели по домам, никто не побеспокоит. Кайса кивнула и слегка сжала его ладонь.

За рекой дрожали огоньки, со стороны города слышались голоса. Вздумай Кайса крикнуть – сбежится несколько десятков человек. Бояться ей нечего. Верно, поэтому её рука безмятежно покоилась в ладони Такко, а плечо, которое он обнимал, было расслабленно опущено. Такко бросил на бревно плащ, усадил Кайсу, огляделся и прислушался, нет ли непрошенных свидетелей в ближайших кустах. Привлёк девушку к себе, обнял покрепче, приник губами к виску, поцеловал щёки с россыпью мелких веснушек и, наконец, губы. Кайса отвечала сдержанно, как подобает добропорядочной горожанке, но не отстранялась. Она была нежной и податливой, ладони легко скользили по плечам Такко, полная грудь вздымалась, дразня и распалая. Стало совсем темно, и в этой тьме остались лишь прикосновения и сладкий, дурманящий запах хлеба, трав и спелых, исходящих липким соком ягод.

В город они возвращались во мраке. У площади их остановила ночная стража. Кайсу оглядели с плохо скрываемым презрением, но молча пропустили. У пекарни Такко в последний раз поцеловал её и крепко обнял, не в силах оторваться. Кайса была по-домашнему уютной, тёплой, как остывающая печь, спокойной, как сама земля.

Верен пробормотал что-то неразборчивое, когда Такко ощупью пробрался в комнату.

– Ты с подружкой не?.. – не удержался Такко.

– Иди ты... У неё жених есть. А ты доволен, как я погляжу.

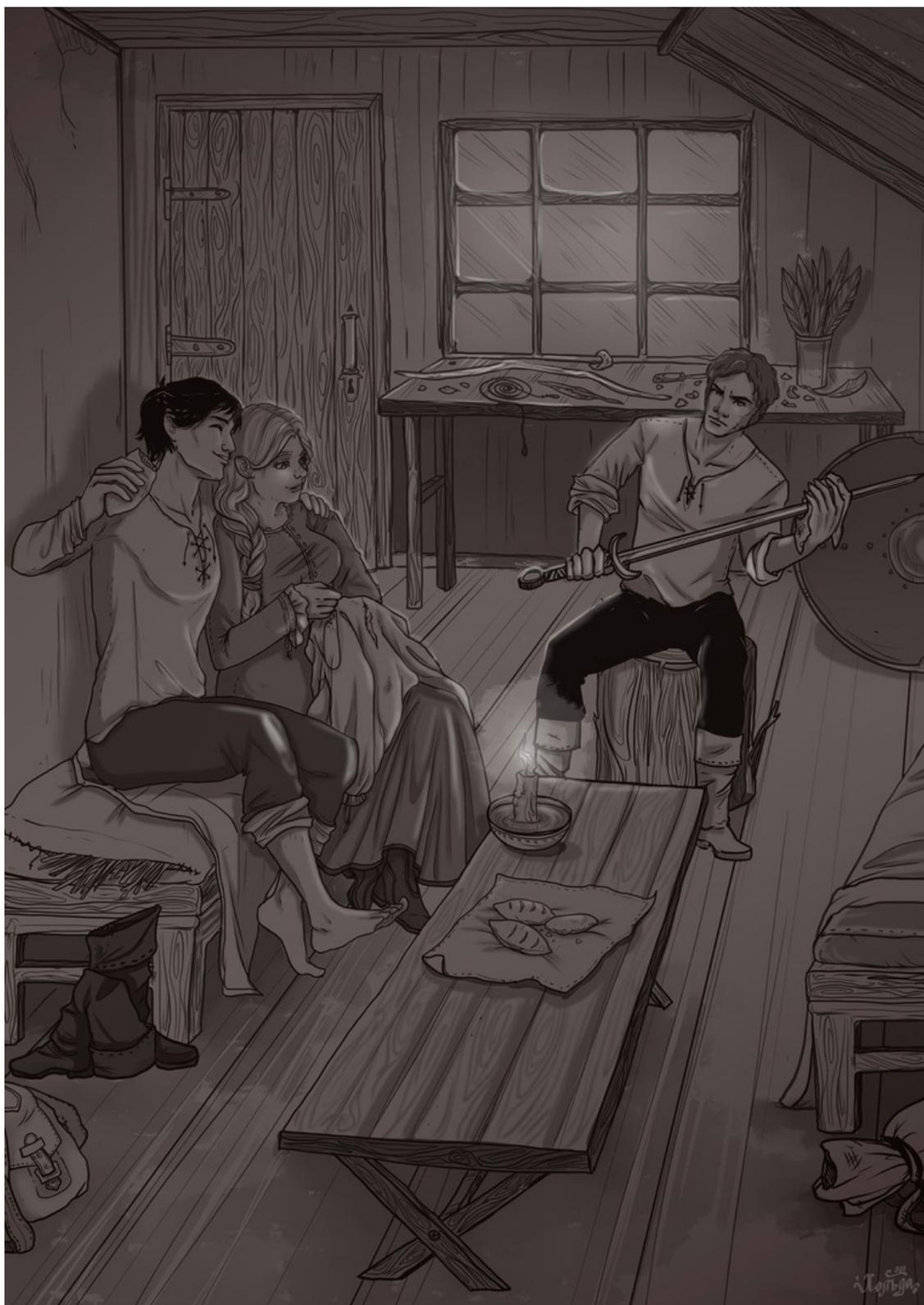
– Не без того. Она знаешь какая...

– Избавь меня от разговоров до утра!

Такко негромко рассмеялся, стягивая одежду и швыряя на пол. Завтра наверняка будет ругать себя, расправляя измятую до неприличия рубаху, но сегодня было плевать.

– Ерунда это всё, – проворчал Верен, поворачиваясь на другой бок. – Завтра пойдём работу искать.

Такко не ответил. Руки помнили мягкую кожу Кайсы, её крепкое и такое послушное тело, голову кружил сладкий хлебный дух. В распахнутое окно вместе с предрасветной прохладой вливался запах ягод и свежескошенного сена. Город Эсхен спал, лишь ночная стража мерила шагами тёмные улицы, да стрелки на ратуше отсчитывали последние часы до рассвета.

Глава 2

Дни шли, и с ними утекали полученные за последний поход деньги. Теперь большой стол-верстак под окном был завален луками, заготовками для стрел, перьями, нитками для обмоток, наконечниками и разным инструментом. Дитмар, эсхенский лучный мастер, отнёсся к Такко со снисходительным безразличием. Подумаешь, заезжий мальчишка – сегодня здесь, завтра там, переманить заказчиков не успеет, чего бы и не дать ему подзаработать. Тем более, заготовки Такко покупал в его лавке – больше нигде было. Верену везло меньше: суровый мечник искал работу с утра до вечера, но безуспешно.

Вечером они, как всегда, собрались в комнате под крышей втроём. Кайса принесла узелок с выпечкой, что не продали в пекарне. Верен успел спуститься к хозяйке за кипятком и нарезать пирог тяжёлым боевым ножом. Комнату окутали сумерки, и мошки вились вокруг свечи, поставленной в плошку с водой.

– Граф предложил мне сопровождать его дочь делать прически! – негодовал Верен, потрясая коржиком, неровно облитым глазурью. – Я сказал, что не для того учился сражаться. Что за город!

– погоди, – остановил его Такко. Он отошёл к верстаку и слушал вполуха. – Ты всё же наведёшься к маркграфу? В тот каменный дом с гербом и цветником?

– Ну. До последнего искал, чего попроще, а всё ж пришлось и туда заявиться.

– Я тоже был там сегодня. Странно даже, что мы не встретились. Маркграф заказал мне лук для своей девчонки.

– И ты взялся?

Такко мотнул головой в сторону верстака. Из окна лился последний вечерний свет, и можно было видеть маленькую заготовку для лука, выгнутую в стапеле. Верен презрительно сплюнул и отвернулся.

– Я не делал детских луков раньше, – сказал Такко, вернувшись к столу и расправляясь с остатками пирога. – Во всяком случае, таких слабых. Самому интересно, что выйдет.

– Где взял заготовку?

– В лучной лавке, где же ещё. Дитмар был рад от неё избавиться.

– Ох не обрадуется он, когда узнает, для чего тебе эта заготовка! – хмыкнул Верен. – Увёл у него такой заказ.

– Маркграф сам спросил, умею ли я мастерить луки, – пожал плечами Такко. – Буду делать самый простой. Девчонка там сама как этот прут. Тонкая, бледная...

– За каким лядом ей лук? – зло выругался Верен, заедая обиду сочным.

Остатки ужина убрали в узел и подвесили к потолку, чтобы не добрались мыши. Такко вернулся к верстаку и придирчиво оглядывал заготовку. Тряхнул головой, задул свечу и взял Кайсу за руку:

– Останешься?

Она кивнула с мягкой улыбкой. Верен уже лёг и старательно сопел, отвернувшись к стенке.

– Если мне хорошо заплатят, купим тебе ту побрякушку, – прошептал Такко, обнимая Кайсу.

Он знал, что подруга давно заглядывается на ожерелье из голубых и рыжевато-розовых опалов в ювелирной лавке. Неплохо бы, уходя из Эсхена, оставить Кайсе богатый подарок. Впрочем, сейчас им было чем заняться помимо разговоров.

Кайса покинула комнату под крышей ещё до рассвета – работа в пекарне начиналась рано. Верен, угрюмо пристегнув меч, снова ушёл вызнать, не нужны ли кому охранники и телохранители. Такко, оставшись один, сел за работу. Дел было много: оперить два десятка стрел, сплести две тетивы и заняться заготовкой для лука для маркграфской дочки.

Под бдительным присмотром хозяйки Такко растопил на летней дворовой печке янтарные кусочки клея и принялся за оперение. Привычная работа спорилась: располовинить перо тонким острым ножом, смазать клеем, приложить под точно выверенным углом к древку, прижать... Со стороны кажется – проще простого, но Такко, опытный стрелок, хорошо знал, как меткость зависит от оперения, и ушёл в работу с головой. К полудню два десятка стрел были готовы и сохли, подвешенные за наконечники, на хозяйской бельевой верёвке. Такко успел остругать заготовку для маркграфского заказа и старательно гнул её, пытаясь понять, будет ли лук по руке девочке, когда вернулся Верен, сердитый и усталый. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что достойной работы в городе молодому воину снова не нашлось.

– Ножи взялся точить, – с горечью усмехнулся Верен, усаживаясь рядом с Такко на скамейку. – Что за город! Домоседы... Никому охрана не нужна!

– Задаток-то дали?

– Как же, дадут они... Спасибо хоть ножи боевые, а не кухонные! На кой ляд их точить? Всё одно будут на стене висеть. Эх, сказал бы мне кто, что буду жить за твой счёт, не поверил бы! А ещё больше повезло, что ты Кайсе приглянулся, хотя и не знаю, на что она там глаз положила!..

Такко рассмеялся. Рядом с широкоплечим, плотно сбитым Вереном он выглядел как мальчишка – худой, невысокий, с вечно взлохмаченными вихрами, а штаны и рубахи приходилось ушивать и плотно подпоясывать, чтобы не свалились. Верен часто шутил, что Кайса водится с Такко из жалости, и ему самому она подошла бы больше: статная, круглолицая. Впрочем, дружба между ними была по-прежнему крепка.

– Дитмара видел, – сказал Верен. – Стоял у своей лавки мрачнее тучи. Зол, что заказ достался не ему.

– Плевать на него, – дёрнул плечом Такко. В последний раз оглядел гладко оструганную заготовку, накинул на неё первую попавшуюся тетиву и бережно завернул в чистый платок. – Пойду на примерку.
– Задаток возьми!

Дом маркграфа стоял в южной части города, на мощёной камнем улице. Сразу было видно, что здесь жили богатые люди – не поскупились привезти камней, чтобы весной и осенью не знать забот из-за непролазной грязи. На крепких воротах красовался герб – раскрытый циркуль над шестернёй – и висела надпись, велеречиво уведомлявшая, что всяк входящий в эти врата ступает на землю маркграфа Олларда.

Дверь захлопнулась за Такко почти неслышно, удержанная пружиной, и он запоздало вспомнил, что не расспросил Кайсу о загадочных устройствах. Судя по гербу, здешние маркграфы жили не войной или сельским хозяйством, а механизмами. Поглядеть бы, не найдётся ли в маркграфском доме диковинок!

В передней было светло. Солнце било сквозь окна, затянутые дорогим цветным стеклом, в стенных нишах горели свечи. Такко успел заглядеться на часы – в Эхсене отчего-то мерили время двумя стрелками, и вторая качнулась прямо на глазах. Высокие резные двери, ведущие во внутренние покои, распахнулись, и слуга провел Такко в большую и богато украшенную комнату.

Маркграф Оллард принял Такко в кабинете. От пола до потолка высились шкафы с книгами, лёгкий ветер шевелил тонкие занавеси на окне, выходившем в проулок. Сам маркграф – высокий и худой человек лет тридцати, одетый в чёрное, – сидел за столом в тяжёлом кресле, обитом алым шёлком. Такко вновь удивился его необыкновенному лицу: бледному, будто вытесанному из белого камня, с резкими чертами и горбатым носом. Маркграф что-то писал и сделал свободной рукой знак подождать.

Пока маркграф работал, Такко засмотрелся на портрет на стене. Изображённая на нём женщина лучилась особой, нездешней красотой. пышные светлые волосы, льдисто-голубые глаза, белая пена кружевного платья приковывали взгляд. Залюбовавшись, Такко не расслышал, как маркграф закончил работу и окликал его уже второй раз.

– Готов ли лук для моей дочери? – осведомился он со странной холодной улыбкой.

– Почти, – Такко подошёл к столу, на ходу разворачивая заготовку. – Я снял лишнее, но нужно убедиться, что лук по руке хозяйке.

– Позовите Агнет, – велел маркграф, и вскоре в комнату вошла девочка, очень схожая с женщиной на портрете: те же пышные волосы и внимательный взгляд льдистых глаз. Её сопровождала няня, строго смотревшая из-под белого чепца.

Пока девочка натягивала тетиву, Такко украдкой её рассматривал. Тонкая, хрупкая, бледная, на первый взгляд она казалась ребёнком, но держалась с таким достоинством, что Такко невольно залюбовался её не по-детски плавными движениями.

– Агнет, тебе не тяжело натягивать лук? – заботливо спросил маркграф.

– Немного. – Голос у неё был звонкий, как колокольчик, но тихий и слабый.

– Я сделаю полегче, – кивнул Такко. – Послезавтра будет готово.

Агнет с няней вышли. Маркграф проводил их взглядом и снова повернулся к Такко:

– Моя дочь не совсем здорова. Я привёз её в город в надежде немного развеселить. Надеюсь, стрельба развлечёт её, когда мы вернёмся в замок. Ни один лук из нашей оружейной ей не по силам.

– Лучнику не нужна сила, – улыбнулся Такко, снимая и аккуратно сворачивая тетиву. – Важнее иметь твёрдую руку и верный глаз, а ваша дочь, несомненно, обладает этими достоинствами в избытке.

– Агнет Оллард – мужественная девочка и достойная наследница своего рода, – подтвердил маркграф. – Который год она борется с болезнью... Но я задерживаю тебя. Половина суммы, как договаривались. Остальное – когда закончишь работу.

Глаза Такко загорелись при виде монет, которые маркграф высыпал на стол. Позаботился, припас помельче, чтобы не искать размен на базаре... Но Такко доводилось уходить от заказчика без только что выплаченного задатка, и он научился осторожности.

– Благодарю за щедрость, – поклонился он, – но я не очень опытный мастер и боюсь не оправдать доверия. Я возьму десятую часть, а остальное, если удобно, заплатите, когда приду с готовой работой.

– Как знаешь. Возьми, сколько нужно.

Такко отобрал самые мелкие медяки, ещё раз поклонился и вышел.

В передней он остановился, делая вид, что пересчитывает монеты. Слуга, стороживший у двери, отвлёкся на уличный шум, и Такко быстро поставил полуготовый лук в тёмный угол.

Дитмаровы подмастерья ждали сразу за углом, где от мощёной улицы отходил узкий проулок. Трое статных, мускулистых парней – таким бы в кузнице работать, а не в лучной мастерской! Видно, им не впервой было иметь дело с несговорчивыми соперниками: первый пропустил жертву вперёд и оказался, только когда двое других преградили дорогу. От толчка и удара спиной о бревенчатый забор перехватило дух. Двое ухватили Такко за плечи и локти, а старший в недоумении обшарил его взглядом с головы до ног:

– Где лук?!

Такко прикусил губу, пряча торжествующую улыбку. Пусть переломают ему рёбра, но не драгоценную заготовку.

– Где лук, скотина?!

Старший кивнул одному из спутников, и тот побежал осматривать улицу. Даже за угол заглянул, не бросил ли Такко заготовку там. Первый удар пришёлся под рёбра, второй по лицу; от третьего, выбившего воздух из лёгких, перед глазами поплыли разноцветные точки.

– Нигде нет! – донеслось как сквозь воду.

– Да куда ж ты его спрятал? Мастер говорил, что заказ не готов, значит, в доме он остаться не мог!

От очередного удара Такко зашатался и осел на землю, выгладив спиной чужой забор. Грубые руки тут же ухватили за шиворот, подняли, сорвали с пояса кошель:

– Хоть задаток-то получил?

Медяки рассыпались по земле и тут же были вдавлены в мягкую почву тяжёлыми сапогами. Такко передёрнуло, пока у него под рубашкой шарили в поисках серебра. Ещё удар по рёбрам, по лицу, и подмастерья ушли, обсуждая, что сказать мастеру и куда подевался проклятый лук.

Такко ждал, пока не вернулось дыхание. Осторожно поднялся: больно, но бывало хуже. От отца доставалось куда сильнее, да и в уличные стычки он ввязывался не впервые. Перед глазами уже не плыли разноцветные пятна, движения отдавались вполне терпимой болью. Легко отделался. Он утёр кровь подолом рубахи и аккуратно собрал медяки, которыми побрезговали Дитмаровы подмастерья. Солнце стояло высоко – как раз успеть на базар в овощной ряд и уго-

стить наконец Кайсу ужином. А когда совсем стемнеет, можно и лук забрать. Слуга, конечно, обругает забывчивого горе-мастера, зато заказ будет готов в срок.

Глава 3

В пекарне, где работала Кайса, было два входа – как в любом уважающем себя заведении. Парадный вёл к прилавкам, где покупателям приветливо улыбались старшие дочери хозяйки. В плетёных корзинах исходили жаром караваи и пироги: с капустой или яблоками, какие часто брали за медяки Такко с Вереном; с грушами и изюмом – для зажиточных горожан вроде вдовы бондаря или мастера Дитмара. Иногда сюда попадала выпечка с привозными лимонами и сушёными абрикосами, но чаще её пекли на заказ, и мальчишка-посыльный разносил душистые корзины по богатым домам – к бургомистру, судье или маркграфу Олларду.

Чёрный же ход вёл в заднюю комнату, где спозаранку топились печи и стоял одуряющий запах хлеба и пряностей. За этими печами и огромным столом – дубовая столешница изрезана ножом, в щелях и порезах окаменело тесто, которое раскатывали поколения учеников и подмастерьей, – царствовали Кайса с младшей дочерью пекаря. В четыре руки девушки месили и разделявали тесто, готовили начинки, сбивали сладкие кремы.

Сегодня Кайса управлялась за столом одна. Волосы убраны под безукоризненно чистый чепец, покрасневшие щеки выбелены мукой, мука забила и в складки одежды, и под коротко остриженные ногти. Ловкие руки двигались быстро и точно, как у Такко, когда тот плёл тетиву или клеил перья. Кайса достала один за другим два противня с выпечкой, потянулась поставить следующие и резко обернулась – как раз вовремя, чтобы огреть полотенцем по руке, потянувшейся за пирожком.

– С ума сошёл? Хозяйка всё считает! Хочешь, чтобы мне не заплатили?!

Такко с виноватым видом отодвинулся от стола, впрочем, не спуская глаз с пирогов. Увидев его в синяках, Кайса только руками всплеснула и мигом развела бодягу для примочек, но больше щадить не собиралась. Погрозила пальцем, отправила противни в печь и устало вздохнула:

– Ты закончил с заказами?

– Почти. Остались стрелы для стражника... забыл, как его зовут... И лук для дочки маркграфа. Ты видела её?

– Пару раз. Я думала, вечером ты проводишь меня в деревню.

– Давай завтра. Сегодня хочу разделаться с работой, чтобы поскорее получить деньги. Кто знает, сколько придётся на них жить... В Дитмаровой лавке мне теперь не продадут ни пера.

– Если бы ты с самого начала нанялся к нему подмастерьем...

– Работать за еду и подзатыльники? Нет уж, спасибо. Маркграф обещал хорошо заплатить. Видела бы ты его дочку! Тонкая и белая, как осенняя травинка...

Полные руки Кайсы ловко разделявали тесто, веснушчатые щёки покраснелись даже под слоем муки. Такко загляделся на ямочки на её локтях и не мог понять, отчего подруга хмурилась.

– Слушай, а откуда у вас в пекарне и на колодце такие хитрые подъёмные устройства? – спросил он.

– Всегда были, – Кайса пожалала круглыми плечами, не поднимая глаз.

Расспрашивать её было бесполезно, и Такко вскоре поднялся, бросив прощальный взгляд на пироги. Кайса увернулась от объятий и помахала на прощание выпачканной в тесте рукой.

Вечером все трое собрались во дворе вдовы бондаря. От летней печи шёл жар, в хозяйском горшке кипел и булькал горох. Такко с Вереном в четыре руки кромсали капустный кочан. Кайса куталась в платок, время от времени поддразнивая поваров.

– Ты рубишь капусту, как мясник мясо, – хихикнула она, глядя на Верена.

– Я и есть мясник, – свирепо отозвался он. Такко прыснул со смеху, не удержалась и Кайса.

– Верен поклялся с первого заработка купить барана и съесть его целиком, – сказал Такко, орудуя ножом. – Не его вина, что денег хватило только на капусту.

– Я слышал сегодня на базаре, будто старый Гест собирается везти мёд, – Верен пропустил шутку мимо ушей.

– Куда и когда? – оживился Такко.

– В Нижний Предел, – помолчав для пушей выразительности, объявил Верен. – Большой город, где много работы и весёлая жизнь!

Верен один раз был в Нижнем Пределе и не уставал сравнивать его с Эсхеном. Мол, там и люди приветливее, и мясо дешевле, и на улицах грабят только так, поэтому охранники нарасхват, и даже если до срока польют дожди и размоет дороги, можно спокойно зимовать – без дела не останешься.

– Когда?

– Он до последнего таится, боится, как бы его не обогнали другие, но вроде как собирается выходить со дня на день.

– Вот и чудно! Завтра я отнесу стрелы стражнику и лук маркграфу, и мы развяжемся с Эсхеном!

Горшок с тушёными овощами опустел, на улице стемнело. Верен попрощался с Кайсой и отправился наверх. Такко подсел к подруге и взял её за руку:

– Ну... Не скучай без нас.

– Ничего, – улыбнулась она. – Ты ведь сразу говорил, что не удержишься здесь.

Голос Кайсы не дрожал, а блеск глаз ещё нужно было заметить в темноте. Такко обнял её, прильнул щекой к щеке. Кайса вздохнула и одним резким движением выдернула его рубаху из-за пояса.

– Скажи... а волосы у маркграфской дочки такие же светлые, как у меня?

Такко на миг задумался, и его руки замерли на спине подруги:

– Нет, светлее. И они другие... лёгкие, как одуванчик.

Он быстро огляделся и увлёк Кайсу в темноту около дома. Хотел посадить на бочку, но Кайса толкнула его к стене и прижалась так, что он вздрогнул и заторопился, комкая платье на её бёдрах и отдаваясь непривычно настойчивым рукам.

– А глаза у неё серые? – прошептала Кайса ему на ухо.

– Голубые, как небо на рассвете, – выговорил Такко. – Или утренний лёд. Очень красивые.

– Небо на рассвете, – повторила Кайса. Отпрянула назад, одёрнула подол и отвесила Такко звонкую пощёчину. – Иди поищи у неё утешения! И живо убирайся из города!

Стукнула калитка, лязгнул засов. В этом вся Кайса – что бы ни творилось, а запереть за собой дверь она не забудет.

– Ты один? – удивился Верен, когда Такко поднялся наверх. – Обиделась, что уходим?

– Ага. Скверно вышло.

Верен пробормотал что-то насчёт того, что он предупреждал и вообще не в первый раз. Такко отмахнулся. О пощёчине он не расскажет. Друг и так не пожалел насмешек, узнав, что охранник обозов не смог отбиться от троих подмастерьев, пусть даже те и были старше и сильнее. Но уличные стычки – обычное дело, Верену тоже доводилось приходиться в очередное жилище без денег и в синяках, а получить от девчонки... Скверно вышло с Кайсой, куда ни глянь, скверно. И наверняка обиделась она не только на скорое расставание, но на что ещё, Такко так и не понял.

Такко проспал рассвет, и его растолкал Верен, успевший спозаранку сбежать к старому Гесту. Оказалось, тот уже объехал пасечников, снарядил обоз и собирался пуститься в путь нынче же вечером. У него был свой охранник, но Верен умудрился сторговаться – за гроши, зато купец давал лошадей и обещал кормить в дороге. В Нижнем Пределе молодым воинам точно найдётся работа, а может, по пути удастся подзаработать ещё. Верен уселся чистить меч и в сотый раз осматривать щит, а Такко занялся луком для Агнет. Внимательно оглядел, не пропустил ли сколов и заноз, проверил, хорошо ли высохла кожаная обмотка на рукояти, и взялся доплетать тетиву.

– Ты как девчонка с куделью, – поддразнил его Верен.

Такко и ухом не повёл. Агнет будет легче натягивать тянущуюся тетиву, а когда окрепнет, наденет обычную кручёную. Перед глазами стояли её пальцы со странно утолщёнными кончиками, тонкие запястья с синей сеткой жилок, большие прозрачные глаза... Впрочем, какое ему дело до её глаз. Зато за удобный лук маркграф, быть может, заплатит сверх оговоренного.

Верен, поднявшийся до рассвета, зевал и заспанно жмурился. Такко управился с тетивой, завязал последний узел, накинул на кибить и отложил, чтобы полюбоваться своей работой. Лук и вправду был хорош. Светлое дерево пропитано маслом и воском, рукоять туго обвита кожаной лентой, чтобы не скользила в руке, льняная тетива крепко держится на резных наконечниках, полочка для стрелы вырезана из плотной кожи и намертво посажена на сухожильный клей. Загляденье, а не лук! И к нему десяток тонких стрел с белым гусиным оперением. Подходящих наконечников не нашлось, да и ни к чему утяжелять, хватило заострить и закалить древко на огне. Не забыл Такко и две накладки из крепкой кожи, чтобы уберечь нежные руки Агнет от мозолей и ударов тетивы. Потом маркграф, конечно, закажет дочке перчатку, но на первое время хватит и простых накладок.

Такко сунул в мешок оставшиеся заказы. Подумал и бросил ещё мешочек с каменной крошкой и остатки кожаной ленты. Мало ли, лук для Агнет всё-таки будет плохо лежать в руке, и понадобится доделать на месте.

– Я вернусь до темноты, – сказал он Верену. – Если задержусь, не жди. Догоню на тракте.

Когда Такко подходил к дому Олларда, его кошель приятно оттягивал пояс. Заказчики расплатились честно и даже посочувствовали размолвке с Дитмаром, впрочем, дав понять, что новых заказов ждать не стоит. Как будто они были нужны!

В передней на широкой дубовой скамье восседал сам Дитмар, хозяин лучной лавки. Такко кивнул ему и опустился рядом, крепко сжимая лук сквозь грубый холст мешка.

Диковинные часы с двумя стрелками отсчитывали время. Дитмар наклонился к Такко и заговорил:

– Хороший заказ ты получил. Редкая удача для молодого мастера. Только лучше бы тебе сперва набить руку на том, что попроще.

– Уже набил, – бросил Такко в ответ, но Дитмар не отставал:

– Сделать хороший лук трудно, сам знаешь. Я здесь тружусь третий десяток лет. Чинил оружие отцу нынешнего маркграфа, а ему было трудно угодить! Ты слушай, я дурных советов не даю, хоть ты и увёл у меня заказчика!

– Я не думал никого уводить у тебя, почтенный Дитмар. Я лишь сказал маркграфу, что хорошо стреляю. Он сам спросил, умею ли я делать луки. Мог ли я отказаться?

– Мог! Другой бы напомнил маркграфу, что в городе есть мастера старше и опытнее тебя. Нет в тебе уважения к старости, и удачи в работе тебе не будет, так и знай!

Такко вздохнул и отвернулся. А Кайса хотела, чтобы он работал на этого старого зануду...

– Будь благодарен! – шипел в спину Дитмар. – Уступи заказ! Так и скажи маркграфу: мол, не справился, зато есть у вас в Эсхене мастера получше. Я тебе половину задатка верну, так и быть, только не позорь меня, старика! Что люди скажут? Что Дитмар-лучник, видать, тетивы сплести не может, раз маркграф поручает работу первому встречному?

Такко подавил вертевшуюся на языке ругань. Мало он слышал дома об уважении к старшим, ещё здесь терпеть! Посидишь с таким ворчуном, как Дитмар, часок-другой и уверишься, что не зря оставил отчий дом.

Агнет сидела на коленях у маркграфа и рисовала на бумаге, не жалея дорогие листы. Маркграф снова принял гостей в кабинете и приветствовал тем же вопросом, что и в прошлый раз:

– Готов ли лук для моей дочери?

– Выслушай сперва почтенного Дитмара, – ответил Такко, пропуская мастера вперёд с лёгким поклоном.

Дитмар рассыпался в любезностях и в велеречивых выражениях объяснял маркграфу, как тот ошибся с выбором лучника. Такко рассматривал портрет над столом и прикидывал, как быть, если потребуются вернуть задаток. Брат от Дитмара хоть медяк он не собирался, да и глупо было ждать, что мастер возместит убыток.

Дитмар закончил. Маркграф поднял глаза от рисунков дочери и обратился к Такко:

– Мастер Дитмар считает, что ты слишком молод, чтобы справиться с важным заказом. А сам ты что скажешь?

– Я сделал хороший лук, – упрямылся Такко. Он старательно смотрел только на заказчика, избегая встречаться глазами с разгневанным соперником.

– Я тоже так думаю, – неожиданно улыбнулся маркграф. – Нужно давать дорогу молодым, мастер Дитмар. Но если мне самому понадобится оружие, я непременно обращусь к тебе.

Мастер склонил голову, но Такко видел, что он не смирился с отказом. Когда Дитмар вышел, маркграф бережно снял Агнет с колен:

– Выйдем во двор. Испытаем твою работу.

Во дворе, под защитой крепкого забора, совсем не было ветра, но это не мешало стрелам Агнет лететь как попало. Такко терпел, сколько мог, и обратился к маркграфу:

– Я бы посоветовал вашей дочери по-другому братья за тетиву.

Оллард кивнул, и дело пошло на лад. Может, и прав был Дитмар, что Такко небольшой мастер делать луки, но стрелять он умел, за это Верен и взял его в товарищи. Агнет оказалась левшой, но Такко было всё равно с какой руки стрелять. Под одобрительным взглядом маркграфа и подозрительным – няньки, он помог Агнет приладить защитную накладку на пальцы. Было странно видеть их вблизи: белые, с утолщёнными и посиневшими кончиками. Немыслимая бледность для живых. Агнет взглянула на него своими нездешними светлыми глазами, Такко смутился и торопливо схватился за тетиву, показывая, как нужно держать.

Когда три стрелы из десяти воткнулись в соломенный круг, Агнет торжествующе обернулась к отцу:

– Получается!

Маркграф улыбался, и улыбка смягчила резной камень его лица. Агнет бросила лук, подбежала к нему, обняла. Он подхватил её на руки, прижал к груди, зарылся лицом в пушистые волосы... Такко вежливо отвернулся.

Несмотря на советы, Агнет умудрилась раскидать стрелы по всему двору. Пока Такко собирал их, няня увела девочку отдыхать. Какая же она хрупкая и слабая, эта Агнет! Не прошло и получаса, а уже пожаловалась на головную боль.

– Кожа да кости...

Такко вздрогнул от шёпота за спиной и чуть не свалился с шаткой опоры, с которой пытался достать последнюю стрелу из-под крыши сарая. Маркграф стоял рядом и открыто рассматривал его со своей обычной холодной улыбкой. Такко невольно поёжился под его взглядом и спрыгнул на землю.

– Об этом мы не договаривались, – маркграф кивнул на стрелы.

– Подарок, – коротко ответил Такко.

– Я привык сам делать подарки.

– Пустяки. У меня всё равно оставались заготовки и перья... Подойдут на первое время, пока вы не подберёте более достойные.

– Эти стрелы хороши, – кивнул Оллард. – Но ты мог использовать материалы на другие заказы.

– Я больше не буду брать заказы. Сегодня вечером я уйду из города.

– Вот как. Конечно, в конце лета сезонные работники возвращаются домой.

– Я не домой. Я зарабатываю охраной обозов. Сегодня мы с другом уходим с торговцем мёдом...

– Ты хорошо стреляешь. Долго учился?

– Там, где я вырос, дети получают первый лук в три года. С тех пор я с ним не расставался.

– А где ты вырос? И сколько тебе лет?

Такко запнулся. Сейчас начнутся расспросы о доме и семье... Маркграф по-своему истолковал его замешательство:

– Ты прав, двор – не лучшее место, чтобы вести беседы. Идём в дом. Я не задержу тебя долго.

В кабинете маркграф отсчитал обещанную сумму – столбик серебряных монет и небольшую кучку медяков. Пододвинул деньги к Такко, откинулся в кресле и повторил вопрос:

– Я хочу знать, где ты вырос и как так вышло, что в столь юном возрасте ты сам зарабатываешь себе на жизнь.

– Мне шестнадцать! – обиделся Такко. И сам не заметил, как, направляемый вопросами, рассказал о залитых солнцем горах, где родился и вырос, об отцовской ювелирной мастерской, откуда бессовестно сбегал лазать по старым шахтам и стрелять в сухие деревья, и, наконец, о том, как ждал давно обещанной поездки в Империю и удрал от отца в первую же ночь – без единого медяка, зато с луком и полным колчаном. Как брался за любую работу, как доказывал купцам и другим охранникам, что достоин зваться воином, а не мальчишкой на побегушках – и доказал!

Маркграф слушал, чуть склонив голову и рассматривая узоры на столе.

– Ты достоин лучшего, чем жизнь бродяги, – сказал он, когда Такко закончил рассказ. – Послезавтра мы с дочерью возвращаемся в замок. Нам не мешает охрана в пути, а после Агнет понадобятся уроки стрельбы. Предлагаю остаться у меня на зиму. – Выразительно помолчал и добавил. – Три марки серебром за месяц, без вычета за стол и ночлег, выходной каждую неделю и никакой работы сверх договора. Что скажешь?

Три марки серебром! За шесть месяцев наберётся восемнадцать марок. Целое состояние. Если продать самого Такко со всем, что у него есть, включая превосходный тисовый лук, не выйдет и трети от этой суммы. Отработать зиму – и можно будет отправиться в дальние края, останавливаться на хороших постоянных дворах, увидеть имперскую столицу, восточный берег и даже южные земли, где на полях лежит песок и живут люди с кожей тёмной, как дубовая кора...

А Верен уйдёт один в свой Нижний Предел.

– Благодарю за щедрое предложение, господин маркграф, – Такко умудрился поклониться, не вставая со стула. – Но я уверен, в городе найдутся более достойные учителя.

– Мне решать, кто достоин учить мою дочь. Ты понравился Агнет. С тобой ей будет интересно. К тому же в тебе есть нечто особенное.

– Что? – удивился Такко.

Вместо ответа маркграф коснулся письменного прибора и поправил перо, без того стоявшее ровно.

– Ты точно справишься с предназначенным тебе делом, – чуть улыбнулся он. – Так что скажешь?

– Прошу прощения, но я уже уговорился с другом и не могу подвести его, – Такко поднялся. В последний раз обвёл глазами комнату, портрет и серебряные безделушки на каминной полке.

– Не желаешь напоследок взглянуть на мою коллекцию? – Маркграф перехватил его взгляд. – Сыну ювелира интересно серебро, не так ли?

С языка у Такко рвался ответ, что серебро его волнует только в виде монет, но он вежливо кивнул. Выслушал рассказ о коллекции, собранной по разным странам, выдал из себя похвалу тонкости работы и чистоте материала и с облегчением вздохнул, когда маркграф повернулся к камину спиной.

– И всё же подумай над моим предложением. – Вкрадчивый голос настиг Такко на пороге. – Если что-то мешает тебе покинуть город... мало ли, что может случиться... Приходи.

Улица встретила Такко теплом летнего вечера и запахом яблок. Домой он шёл кружным путём, держась самых оживлённых улиц. Отдавать сегодняшний заработок Дитмаровым подмастерьям или кому другому он не собирался.

Он уже видел окна дома, когда услышал сзади окрик. Обернулся посмотреть, кого ловят городские стражники, и замер на месте, увидев, что с ними маркграфский слуга – тот самый, что час назад запирает за Такко дверь.

– Это он, – подтвердил слуга, когда между ними осталось с пяток шагов.

– Ты лучник Танкварт, что относил сегодня работу господину маркграфу? – спросил стражник, споткнувшись на чужеземном имени. И, получив ответ, заявил: – У них пропало серебро. Можешь доказать, что не брал?

Такко скинул с плеча мешок, протянул стражнику и развёл руки в стороны, показывая, что ничего не спрятал на себе. У него на миг потемнело в глазах, когда стражник достал из мешка сверкнувшую на солнце безделушку и показал слуге. Тот угрюмо кивнул, узнав пропавшее.

Последнее, что увидел Такко, оглянувшись через плечо, когда стражники вели его к ратуше – хозяйку, застывшую у ворот. И с горечью подумал, что доказать свою невиновность в суде будет трудно, а вдове бондаря – точно не удастся.

Глава 4

В ратуше было нестерпимо душно, несмотря на распахнутые настежь ставни. Тонкие ленты на окнах не отпугивали мух, и в комнате слышалось мерное жужжание. Писарь в углу скрипел пером, занося имена и обстоятельства дела в толстую книгу. Судья в одеянии, прилипшем к взмокшему телу, наскоро расспросил Такко о семье и роде занятий, выслушал слугу маркграфа, стражников и отёр пот со лба:

– Лучник Танкварт, шестнадцати лет от рода, сын ювелира с Аранских гор, не состоящий в учении и на службе, ты обвиняешься в краже серебряной подставки весом в одну марку. Признаёшь свою вину?

– Нет, – ответил Такко.

– Могут ли хотя бы двое уважаемых граждан Эсхена подтвердить твою невиновность?

Такко покачал головой.

– Всё ясно. Обвиняемый не признал свою вину и приговаривается к трём годам горных работ. Суд окончен.

Такко рванулся было протестовать, но слова застряли в горле. Да и как объяснить, если пропавшую вещь нашли в его мешке? Маркграфа и его слугу здесь все знают, а Такко – бродяга без роду и племени. Никто даже слушать его не будет. Как глупо вышло! Угораздило же вляпаться, когда они с Вереном должны были навсегда покинуть этот город, будь он проклят!

Ночь в камере прошла без сна. Мешали жара, мухи, храп и перебранки стражников, а больше всего – мысль, что Верен уже милях в десяти от Эсхена. Такко в отчаянии ударил кулаком стену и едва подавил стон, содрав кожу до крови. Три года горных работ! Легко отделался, за кражу у знатной особы можно получить и десять; судья явно пожалел мальчишку, даже не стал вырывать признание под пыткой. Но, боги, три года! Кем он выйдет с имперских рудников?..

Такко от души проклинал Дитмара, а больше – самого себя. Этому разине не то что безделушку, всю коллекцию можно было подкинуть. И не заметил, дурень, что мешок потяжелел на целую марку! Теперь уже ничего не докажешь. За Дитмара будет свидетельствовать весь город, а за него – разве что Кайса могла бы, но не посмеет. И правильно сделает.

Под утро Такко задремал, сидя у стены и положив голову на руки. Разбудило его гromыхание ключей и лязг замка. Его отвели обратно в зал, где проходил суд. Он брёл, не разбирая дороги, но разом очнулся, услышав знакомый голос:

– Исключительно честный молодой человек... несомненно, ошибка... пораскиньте мозгами!..

Маркграф Оллард возвышался над судьёй, как часовая башня над приземистым домиком. В руках он держал злополучную подставку. Увидев Такко, приветливо улыбнулся, помянул к себе и протянул пропавшую вещь.

– Ты говорил, что ты сын ювелира. Умеешь определять серебро на вес?

– Конечно, – кивнул Такко. Взял безделушку и, едва взвесив её в руке, удивлённо поднял брови и нерешительно взглянул на маркграфа.

– Она пустая внутри, – кивнул Оллард и снова повернулся к судьё. – Я купил её не ради ценности, а из интереса. Не думаю, что сын ювелира мог украсть вещь, в которой нет и четверти марки! Да и продать её невозможно, на дне наше родовое клеймо. Боюсь, о городе Эхене пойдёт дурная слава, раз те, кому доверено вершить правосудие, не удосуживаются проверить слова обвинителя, пусть даже его хозяин и носит высокий титул!

Пока судья бормотал извинения, бросая убийственные взгляды в сторону стражников, Такко вернули вещи. Кошель, ясное дело, был пустым, зато инструменты не пострадали. Такко уже собрался к выходу, когда маркграф остановил его.

– Я твой должник, – сказал он, – и желаю хотя бы частично возместить ущерб, понесённый из-за излишнего рвения моего слуги. Твой друг наверняка покинул город, и потому...

– Благодарю вас, господин маркграф, но мне нужно спешить, – быстро сказал Такко. – Не беспокойтесь об этой досадной случайности. Благодарю вас за помощь.

Он коротко поклонился ему и судьё и почти выбежал на улицу. Старый Гест мог и отложить отъезд. Быть может, Верен ещё в городе.

Хозяйка, верно, увидела его издали и, когда Такко подошёл, ждала у ворот, скрестив на груди руки и плотно сжав губы. Под её тяжёлым взглядом он поднялся в комнату, которую две недели делил с Вереном, и убедился, что друга и след простыл. Сунуть в мешок немногие оставшиеся вещи и закинуть на спину лук было недолгим делом. Хлопнула дверь, громыхнул засов на калитке, и Такко оказался на улице.

Вечер застал Такко на берегу реки, где он не так давно миловался с Кайсой. Работу и жильё ему было не найти. Слухи распространялись по Эхену быстрее пожара, и было трудно понять, в чём бóльшая вина Такко: в том, что умудрился попасть под суд или что посягнул на единовластие Дитмара. Со слов хозяйки он знал, что старый Гест ушёл вчера вечером, Верен с ним, и было поздно догонять их. Кошель был пуст. Продавать было нечего. О луке речь не шла, а остального добра было всего ничего: сменная рубаха, поношенный плащ да нехитрый лучный инструмент с разными дорожными мелочами, который можно было сменять разве что на кусок хлеба. О том, чтобы добраться до Нижнего Предела без еды и денег, и думать было нечего. Мысль о Кайсе Такко выбросил из головы сразу – просить у неё ночлега и ужина он точно не станет.

В подступающих сумерках была отчётливо видна башня замка, возвышавшаяся над лесом за деревней. Толстые стены и узкие окна-бойницы наверняка видели немало сражений. Последние лет двести в Империи царил мир, и по всей стране строили совсем другие замки – полные света и воздуха, с высокими стрельчатыми арками, которые чудом держались на тонких колоннах. Но замок Оллардов был из старых, заставших времена, когда молодая Империя рас-

ширяла свои земли огнём и мечом. Такко отчаянно хотелось там побывать, но три серебряные марки за месяц необременительного труда были слишком заманчивым предложением, чтобы за ним не крылось какой-нибудь подлости.

За спиной послышался шорох. Такко обернулся и увидел пожилую лавочницу, у которой они с Вереном пару раз покупали овощи. В руках у неё болтались два деревянных ведра. Пустых.

– Напугала? – хихикнула старушка. – Посторонись-ка, дай воды набрать.

– Отчего не на колодце? – спросил Такко, забирая у неё ведра. Вода под мостками разбежалась кругами, разбив отражение облаков.

– А зачем мне такой крюк делать? Дом-то – вон он! – указала старушка на белёные стены, видневшиеся сквозь прибрежные заросли. – Этой тропинкой и ходим, мать моя ходила, и бабка, и внучки мои будут ходить.

– Я донесу, – Такко подхватил ведра.

Вот ведь как бывает – живёт человек шесть десятков лет на одном месте, топчет одну и ту же тропу. Ни за что не желал бы Такко себе такой жизни, но неудачи последних дней заставили его остро ощутить своё одиночество. Скоро уважаемые жители Эсхена потянутся из трактира по домам, в деревнях вернутся с полей работники, даже путники на дорогах встанут на ночлег. Один Такко останется без ужина и компании, и ещё неизвестно, что хуже.

Такко не спешил, принаравливаясь к неторопливому шагу хозяйки, но стены дома приблизились быстрее, чем ему хотелось. Он с сожалением поставил ведра на крыльце, но лавочница, быстро оглядевшись, распахнула перед ним дверь.

– Гороха наварила, одной не съесть... Мои-то в деревне на малине, – подмигнула она, и Такко понял – были бы дома вся семья, не видать ему ужина. – Что, и марграф тебя прогнал?

Такко мотнул головой. Задумался, как бы лучше ответить, но старушка уже стучала утварью у печки и говорила, говорила сама – верно, соскучившись по слушателям:

– ...Дочка-то марграфская как родилась, так и болеет. До восьми годов в коляске гуляла. Ноги-то у неё здоровые, только силёнок совсем нет. А других детей не было...

Такко вспомнил портрет в кабинете.

– А мать жива? – спросил он.

– Жива, только из замка не выходит. Мы давно её не видали, год шестой, что ли... Рожала тяжело, а после умом тронулась.

– Откуда вы знаете? – удивился Такко.

– Да как же не знать? Лекарей-то у нас только двое, братья родные, их отец принимал меня на свет... О чём им вечерами в трактире говорить, как не о людских хворях?

В миску шлёпнулась порядочная порция разваренного гороха. От сытной еды Такко потянуло в сон. А хозяйка уже рассказывала о маркграфе:

– С малых лет всё что-то мастерил, всё какие-то ящики ему везли то с Нижнего, то ещё откуда, а в них стружка шуршит и железки брякают. Ты вот с деревяшками возишься, а он всё железки перебирал... Да что я болтаю! Гляди-ка, что покажу...

Она долго копалась в сундуке и наконец положила на стол пёстрый свёрток. Под тряпками оказалась вырезанная из берёзы лягушка, из чьей спинки торчал ключ. Двух поворотов хватило, чтобы игрушка скакнула по столу, заставив Такко широко раскрыть глаза, а старушку – радостно взвизгнуть.

– Видал такое? – спросила она, снова заводя игрушку.

Такко покачал головой. Он, конечно, слышал о механических забавах и даже музыкальных аппаратах, но о том, чтобы увидеть их на базарах, и думать было нечего. Стоили они баснословных денег, если их вообще можно было купить; скорее уж получить в дар от расшедрившегося мастера. Не даром на гербе Оллардов красовались циркуль и шестерня! В замке, наверное, ещё больше удивительных механизмов...

– Маркграф сам мастерил? – уточнил Такко, не отрывая глаз от вновь прыгнувшей по столу лягушки.

– Говорю же, с малых лет возится, – ответила старушка и принялась заворачивать драгоценный подарок. – То железки ему везли, то книги... Сюда-то мало, а в замок, говорят, чуть не каждый месяц подводы приходили.

Уходить от гостеприимной хозяйки не хотелось, но рассчитывать ещё и на ночлег было бы наглостью. Такко отодвинул пустую миску, но старушка, похоже, была рада слушателю: на столе появилась чашка с ягодами, а в кружках задымился травный взвар, щедро сдобренный мёдом.

– В замке, наверное, ещё больше диковинок? – спросил Такко. Горячий и сладкий взвар бодрил, а рассказ лавочницы прогнал остатки сонливости. – Верно, вся знать с соседних земель съезжалась посмотреть?

– Не знаю, не видала. У хорошего мастера завсегда много завистников... У тебя вот с Дитмаром размолвка вышла, а у марграфа хуже было. Он и не женился ещё, а кто-то повадился, страшно сказать, могилы разрывать! Ни страха, ни совести у людей!

– Могилы разрывать? В замке?

– Ну! Склеп-то марграфский не тронули, а простые могилы разоряли, каждый год новую... Страх-то какой, когда людям и в посмертии покоя нет!

– Нашли, кто разорял?

– Какое там! Марграф, было дело, охоту на этих копателей устроил. Нагнал народу со всей деревни с кольями, с факелами! Только мало что не поймали никого, а ещё и пятерых парней не досчитались. Шестой год миновал, а даже косточек не нашли...

Такко едва не выронил ложку от пронзившей догадки. А что если именно ему удастся раскрыть старую тайну? Ясно, что лук для Агнет – всего лишь игрушка, а раз девочка часто болеет, Такко не отработает и десятой доли обещанной суммы. Зато может проследить за кладбищем. Нести стражу в темноте он умеет, стрелять тоже, а дома не раз облазил старые усыпальницы и пещеры. Наверняка Оллард сразу хотел поручить ему слежку, но благоразумно скрыл настоящую причину, чтобы не пугать раньше времени. Звать императорских солдат – пустое дело, они только поднимут шум и перепортят девок, а одинокого лучника никто не заметит.

– А сейчас могилы разоряют?

– Не слыхала. С охоты той тихо стало, только о тех пятерых так и ни слуху, ни духу...

Такко обхватил тёплую кружку неожиданно замёрзшими руками. Как жаль, что ушёл Верен! Поймать копателей, столько лет наводящих ужас на округу, – достойное дело, и они разделили бы славу и награду на двоих.

За окном сгустилась тьма. Хозяйка поднялась зажечь светильник, и Такко воспользовался этим, чтобы попрощаться. Теперь ему не терпелось скорее оказаться в замке. Он поблагодарил лавочницу, выскользнул в окутанный сумерками сад и зашагал к дому маркграфа.

Глава 5

Дождь полил ночью, и к утру дорога к замку Оллардов неминуемо раскисла бы, не будь она вымощена булыжником, за века вдавленным в землю копытами и колёсами. Кожаный повод противно скользил в руках, плащ отяжелел, с капюшона падали на лицо холодные капли, за спиной переругивалась вымокшая свита маркграфа, но Такко был слишком захвачен мыслями о предстоящих приключениях, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Трудно сказать, что занимало его больше: загадочные механизмы или копатели. Вчера он явился к Оллардам поздно, выехали они спозаранку, и Такко не успел расспросить маркграфа о разрытых могилах. Впрочем, поразмыслив, он решил не заводить разговор первым. Мало кому понравится, что о нём сплетничают с приезжими.

Лесная дорога постепенно перешла в расчищенную еловую аллею, в конце которой сквозь пелену дождя проглядывали древние стены. Затем среди стволов мелькнул будто бы человек. Такко по привычке схватился за лук, но тут же натянул поводья, всматриваясь с удивлением и восхищением: среди вековых елей стояла каменная статуя. Чуть позже он заметил ещё одну и ещё... В лесу словно жили волшебные существа, днём таящиеся в камнях, а ночами обретающие свободу.

Двор замка нёс на себе ту же печать заботы, что и подъездная аллея – вымощенный гранитными плитами, засаженный цветущими кустами, в тени которых стояли скамьи и снова статуи. Даже сейчас, когда лепестки цветов были сбиты дождём, во дворе было уютно.

К карете подбежали двое слуг, растягивая над головами кожаный навес. Такко помог выбраться суровой няньке Агнет, пока Оллард подавал руку дочери, и невольно загляделся на увитый диким виноградом фасад. Маркграф отпустил всадников, сопровождавших карету от города, и обратился к Такко:

– Мы стараемся не обременять слуг во время уборки урожая. Конюшня там, – он кивнул на длинное приземистое здание. – Мокрую одежду оставишь в кухне, вход с западной стороны. К семи часам мы собираемся в столовой, не опоздай.

К семи часам? Такко привык мерить время по солнцу, но в замке, конечно же, были часы. Может быть, даже с фигурами, которые двигаются каждый час? Бегло оглядев двор, он

и здесь приметил подъёмные устройства, а к колодцу тянулись трубы, среди которых Такко не сразу увидел ручной насос.

А он ещё сомневался там, в Эсхене, стоит ли идти к маркграфу! Сколько здесь диковинок, уже во дворе! Такко вспомнил, что стоит под проливным дождём, и поспешил к конюшне.

– Замок был построен триста лет назад по личному приказу императора Генриха, желавшего подчинить восточные земли. – Голос маркграфа эхом отдавался от каменных стен.

Такко чуть не свернул себе шею, рассматривая портреты на стенах: мужчины в чёрных камзолах старинного покроя держали руки на золочёных эфесах мечей, красота женщин терялась за блеском самоцветов. Замок был невелик: башня и два крыла, каждое в два яруса. В западных комнатах, где отвели спальню Такко, были низкие потолки и толстые стены. Узкие окна напоминали о годах, когда обитателям замка приходилось чаще браться за оружие, чем возиться с механизмами. Коридор восточного крыла, напротив, был роскошно отделан: стены украшали портреты в тяжелых рамах, мягкие ковры поглощали шум шагов, тьму рассеивали изящные кованые светильники. Такко вырос в небедной семье, но дом аранского ювелира не шёл ни в какое сравнение с маркграфским замком.

– Олларды доблестно сражались в битве на Трёх Холмах и при реке Красной. В парадной оружейной хранится меч, пожалованный моему прапрапрапрадеду за храбрость вместе с титулом и замком. Желаете взглянуть? О, можете не отвечать! Прекрасный возраст – шестнадцать лет, в эти годы горят глаза и кипит кровь! Верно, тебе интересно осмотреть оружие и шпалеры, а когда дождь прекратится, взглянуть на старые укрепления. Но прежде я познакомлю тебя с супругой.

Из-за резной двери доносилась музыка. Оллард щёлкнул ключом, приоткрыл дверь, и Такко сразу узнал в сидевшей за клавесином женщину с портрета. Пышные золотистые волосы ореолом окружали лицо, склонённое над клавишами. Платье цвета топлёного молока подчёркивало белизну кожи.

– Познакомься, дорогая Малвайн: Танкварт, новый учитель Агнет. Малвайн Оллард, моя супруга и хозяйка замка.

Она кивнула не глядя, поглощённая игрой. Такко поклонился и с любопытством оглядел комнату.

– Малвайн сама выбирала убранство. Это её любимая гостиная, – негромко сказал маркграф.

По-другому и быть не могло. Персиковая обивка стен и мебели, изящные кресла красного дерева, подсвечники тонкой работы – всё говорило об особом чутье к красоте и удивительным образом соответствовало самой хозяйке замка.

– Не будем мешать, – шепнул Оллард, увлекая Такко к двери.

На пороге Такко не удержался и оглянулся, чтобы ещё раз запечатлеть в памяти уютную гостиную и златовласую фигуру, вновь склонившую голову в такт музыке.

– Всё, что в замке есть красивого – заслуга Малвайн, – продолжал Оллард. – Ты заметил скульптуры в лесу? Малвайн рисовала эскизы и выбирала, где поставить. Цветники, скамьи, внутреннее убранство – всем этим замок обязан ей.

– Не сомневаюсь, что под её руками вскоре преобразится и западное крыло, – Такко отчаянно не хотелось, чтобы древняя крепость превратилась в роскошный дворец, но кто он такой, чтобы решать?

– Не думаю, – глухо сказал Оллард. – Здоровье Малвайн пострадало после рождения Агнет. Замок занимает её куда меньше, чем раньше. Впрочем, тебя не должно это заботить.

Идём, открою оружейную. Мечи затуплены, поэтому я не боюсь оставить тебя одного. Не опоздай к ужину.

Оружейная оказалась расположена на третьем ярусе башни, что лишний раз показывало: боевое прошлое замка позади, иначе оружие держали бы поближе к выходу. Здесь было сыро и холодно, и великолепные старинные мечи и шлемы уже тронула ржавчина. На пыльном полу оставались следы. Мебель, видимо, поставленная сюда за ненадобностью, была накрыта чехлами, окна заслоняли деревянные щиты, вокруг которых по стенам расползлся мох. Такко дёрнул доски на себя, чтобы впустить побольше света, высунулся в окно и огляделся. Пришлось лечь в узком проёме во весь рост, такой толстой оказалась стена.

Вокруг замка возвышалась стена, сложенная из булыжников. Взгляд привлекли белые разводы, выделявшиеся на тёмном камне. Раствор казался свежим – как будто там располагались ворота, которые по какой-то причине заложили. Под стеной в этом месте густо росла полынь.

Сколько же тайн хранил замок! Наверняка здесь были спрятанные двери и тайные ходы. В легендах, что Такко слушал, когда обозы останавливались на ночёвку, тайными коридорами спасались короли с горсткой преданных воинов, если замок невозможно было удержать. Непременно нужно будет разузнать, почему заложили ворота, и поискать тайные выходы, может быть, даже простучать стены. Но прежде – поглядеть на оружие, которым сражались предки маркграфа. Такко нахлобучил на голову шлем, тут же съехавший на уши, вытянул из ножен тяжёлый меч и не удержался от улыбки. Верен бы отдал полжизни за возможность подержать в руках настоящего хороший клинок, но удача улыбнулась ему, лучнику. А он ещё сомневался, идти ли к маркграфу!..

К ужину Такко явился с последним ударом часов, едва успев сменить рубаху, и застал всю семью в сборе. В столовой, расположенной на первом этаже между холлом и кухней, горела единственная свеча, едва освещавшая стол, уставленный блюдами. Дрова в камине почти прогорели и тоже не давали света. Отблески отражались на стрелках часов и едва очерчивали массивный буфет, стоявший в глубине столовой. В тишине отчётливо слышались мерные щелчки маятника, негромкий скрип и скрежет.

– Моя жена не выносит общества, а я не выношу сплетен, – шепнул Оллард, передавая Такко супницу. – Поэтому мы ужинаем без слуг. И не разговариваем за столом.

Такко пожал плечами. Он-то был здесь куда более чужим, чем любой из прислуги, не говоря о няне Агнет, которой тоже не было за столом. Впрочем, причуды госпожи Малвайн волновали его меньше всего: в ушах ещё стоял звон мечей, а с первым глотком супа способность связно мыслить окончательно его покинула.

Несмотря на то, что Такко вознамерился попробовать каждое блюдо и преуспел в этом, он справился с ужином быстрее всех и первым поднялся из-за стола по молчаливому кивку Олларда. Желудок раздулся, как рыбий пузырь. Такко и не помнил, когда в последний раз ужинал столь плотно. Суп был густым и сытным, тушёные овощи – нежными, пирожки с яблочным повидлом щедро сдобрены пряностями, а земляничное вино оказалось сладким и таким ароматным, что Такко наполнял кубок чаще, чем следовало. К концу ужина в ушах шумело, и его отчаянно клонило в сон.

На площадке второго яруса под ногами неприятно хрустнул песок, как в дешёвом трактире, где подметают хорошо если раз в неделю. Такко ввалился в спальню при свете фонаря, который чьи-то заботливые руки оставили на столе, и рухнул на постель. С усталым вздохом

поднялся стащить сапоги и недоуменно уставился на подошву, к которой прилипли серые крупинки. Снег? Белый песок? Он поддел одну из крупинок, осмотрел и, наконец, попробовал на язык. Соль.

Думать, кто и зачем рассыпал по полу дорожную соль, не было сил. Тонкие простыни хранили едва уловимый цветочный аромат, из окна тянуло свежестью, запахом роз и мокрого сада. Такко задул свечу в фонаре, потянулся расшнуровать ворот рубахи, но не удержал равновесие, свалился на подушку и так и заснул, стиснув в руке льняное полотно.

Не услышав ни боя часов, ни как по западному коридору проследовала едва различимая в полумраке тень.

Глава 6

С утра дождь зарядил с новой силой и лил два дня, словно насмехаясь над крестьянами, спешившими собрать урожай. Как ни хотелось Такко побыстрее осмотреть окрестности и побывать на кладбище, вылазка откладывалась: когда с неба льёт как из ведра, много не увидишь. Зато под шелест воды по кровле было особенно приятно разбирать сокровища оружейной. За распахнутыми настежь окнами стелился мягкий сумрак, а со двора снова пахло цветами.

Такко бродил по коридорам и залам, касался древних стен, и каменная громада заворачивала его. Иные люди не выносили близости камня. В предгорьях Такко доводилось встречать воинов, избегавших равно гротов и сторожевых башен: ночами им казалось, что своды вот-вот рухнут. Сам он никогда не знал подобных страхов. Коридоры и залы напоминали подземные ходы и пещеры, которые он увлечённо исследовал в детстве. Отец обломал не одну хворостину, пытаясь предостеречь сына-непоседу от обвалов и неверных троп, но Такко если уж брал что-то себе в голову, то не отступался, и научился чувствовать себя в каменной толще не хуже, чем наверху.

Холодная утроба замка хранила своих обитателей, как материнское тело хранит неродившееся дитя. Кварцевые жилы пронизывали гранитные валуны, как кровеносные сосуды – человеческую плоть. Замок жил, замок дышал, и Такко многое отдал бы, чтобы услышать, о чём говорят древние камни в его стенах.

Облазав башню и пустовавшее западное крыло и не найдя ничего интересного, Такко вернулся в оружейную. Выбрал меч по руке и принялся разминаться, вспоминая заученные в детстве упражнения. Длинный имперский клинок не мог пригодиться на горных тропах, зато считался почётным оружием. Отец нанял учителя, когда Такко едва исполнилось семь, и обучали его по преимуществу вычурным турнирным приемам. Сейчас он повторял их, попутно вспоминая те, которым успел научить Верен, выламывая на стоянках по палке и обещая «показать недомерку с гор, как сражаются мужчины». Несмотря на увещевания друга, Такко не обзавелся мечом, отдав все силы стрельбе, а в ближнем бою, до которого доходило редко, полагался

на нож. Но кое-что из уроков он запомнил, и теперь чередовал сложные и эффектные выпады с прямыми и сильными замахами.

– Приятно видеть, что славное оружие не скучает без дела, – голос маркграфа легко заполнил комнату, и Такко вздрогнул от неожиданности.

Оллард вошёл неслышно и наблюдал за упражнениями, стоя в дверном проёме. Протянул руку, требуя меч; Такко вложил рукоять в раскрытую ладонь и отпрянул, когда Оллард подкинул клинок вверх и ловко поймал.

– Это хороший меч, – сказал он, со свистом рассекая сталью воздух. – Помню, я упражнялся с ним, когда был чуть младше тебя. Оружие, что хранится здесь, помнит славные времена! Я не застал, когда оружейная находилась на первом ярусе. Когда я был мальчишкой, большинство этих прекрасных мечей были свалены кучей в сундуки. То, что ты видишь сейчас – заслуга Малвайн. Она наняла мастера из столицы, чтобы точно определить где и когда сделали каждый клинок, и писаря – составить опись. Придумала развесить мечи на стенах, чтобы летом их озаряло солнце.

Похоже, госпожа Малвайн трудилась на благо замка, не жалея сил. Камни в стенах наверняка помнили её лёгкие шаги и прикосновения, помнили, как по её приказу в них вбивали крюки и гвозди. Что же сделало её безвольной куклой, за ужином не поднимающей глаз от тарелки?

– Наши враги сложили легенду о том, что замок не взять, пока им владеют Олларды, – продолжал маркграф. – В деревне до сих пор рассказывают о духах-защитниках, живущих в этих стенах. Будто они насылают на чужаков слабость и отнимают ловкость в бою. Ты веришь в такие сказки?

– Я привык полагаться на свои силы, – пожал плечами Такко.

– Полезная привычка, – кивнул Оллард. Бросил меч обратно и вытянул из звенящей кучи на столе ещё один для себя. – Покажи, что умеешь.

Такко поймал оружие; тёплая рукоять сразу легла в ладонь. Надежды победить не было: несомненно, маркграф с детства проводил за фехтованием по несколько часов каждый день. Но если удастся продержаться до лестницы и отступить по ступеням вверх, можно будет воспользоваться преимуществом по высоте. В следующий миг он получил тычок в бедро, бескровный, но чувствительный, и запоздало сообразил, что противник держит меч левой рукой.

Поди знай, как отбивать удары, нанесённые с непривычной стороны! Будь это настоящая битва, она закончилась бы с первым ударом. Маркграф атаковал снова, Такко отбил, поймал одобрительный кивок и больше не замечал уже ничего, кроме порхающего перед лицом лезвия. Один раз он всё же оглянулся – вход на лестницу был в десяти невыносимо долгих шагах, – заплатил за неосторожность тычком в бок и отступил, пожалуй, быстрее, чем следовало.

– Хороший замысел, – кивнул Оллард, направляя Такко к площадке с прямо-таки оскорбительной лёгкостью. Такко мысленно проклял свой план, когда понял, что маркграфу ничего не стоит отеснить его вниз, и исход поединка будет решен одним ударом. Но Оллард отвёл меч в сторону изящным приглашающим жестом, и Такко проскользнул на лестницу, воспользовавшись унижительной уступкой.

Должно быть, в замке давно не сражались. Должно быть, воины, чье оружие скучало на стенах, сейчас наслаждались поединком. Такко бился в полную силу, но уворачиваться от ударов приходилось чаще, чем наносить. В тесноте лестницы было не замахнуться, клинок как по волшебству тыкался в стены. Такко едва не вывернул запястье, в очередной раз пытаясь отбиться, и с досадой вскрикнул: не смог удержать меч, и он со стуком покатился по ступеням. Оллард легко коснулся остриём шнуровки на его вороте, обозначив победу, и опустил оружие.

– Неплохо! – Маркграф улыбнулся и прислонился к стене чёрным бархатным плечом. – Я сомневался, что ты из хорошей семьи, но теперь вижу, что тебя учили сражаться. Из тебя

вышел бы недурный фехтовальщик, уделяй ты больше времени тренировкам. Ты ловок, быстро соображаешь и готов проиграть, но не отступить. Мне нравится.

В ответ Такко самым неучтивым образом поморщился. Должно быть, вид у него был совсем унылый, потому что Оллард рассмеялся и хлопнул его по плечу:

– Отдохни. На этой лестнице доводилось терпеть поражение и более опытным воинам. Ты не бывал раньше в замках, верно?

Такко покачал головой.

– Если бы бывал – заметил бы, что мой замок построен особым образом. Лестница закручена не в ту сторону. Большинство наследников нашего рода рождались левшами, и на этой лестнице, как ты мог заметить, удобнее сражаться левой рукой. Если бьёшь правой – задеваешь стены. Теперь ты знаешь, что за силы защищают наш замок.

Удивление затмило обиду. Такко попытался прикинуть, сколько сил и материала ушло на строительство замка. Приспособить каменную махину под особенность владельцев, да ещё столь редкую... Невероятно.

– Этот замок – плоть нашего рода, – негромко сказал Оллард. – Раздели нас – и мы оба падём.

– Агнет тоже левша, – вспомнил Такко.

– Да, – подтвердил Оллард. – Глупая шутка природы, знающей, что моя дочь даже в крайней опасности не возьмётся за меч. И вместе с тем знак, что именно Агнет суждено владеть замком после меня.

Замок и его владельцы подходили друг к другу как ключ к замку. «Раздели нас – и мы оба падём». Такко прикрыл глаза, успокаивая дыхание, и увидел внутренним взором вереницу людей на ступенях. Снизу напирали воины – кто в чём, в дорогих латах или в плотных куртках, а сверху стоял одинокий воин в чёрном бархате и с холодной усмешкой раскидывал врагов. Затем перед глазами встали портреты предков маркграфа. И как Такко не заметил, что каждый из них нёс меч на правом бедре? Наверняка не всякий наследник рождался левшой, и многие проводили мучительные часы, отрабатывая удары непослушной рукой...

– Я должен был догадаться, – с досадой сказал Такко, открывая глаза. – Я же видел портреты. И по лестнице прошёл раза три только за сегодня! Хотя я всё равно не смог бы сражаться левой рукой.

– Портреты... – повторил маркграф с неожиданной горечью. – На этих портретах запечатлены славные воины. Жизни моих предков были до краёв наполнены славой. Я бы дорого дал, чтобы поговорить хотя бы с одним из них. Но нам, живым, стоит радоваться, когда ушедшие оставляют нам хотя бы свой облик, правда?

Такко кивнул, не вполне понимая, к чему клонит маркграф, но тот неожиданно сменил тему:

– Ты хорошо двигаешься. Неужели за твою долгую жизнь тебе удалось обойтись без переломов и вывихов?

– Нет. Но я не жалел денег на врачей.

– Что ты ломал?

– Руки пару раз... И ребра, но это не в счёт.

– Суставы?

– Нет.

– Это хорошо. В замке сыро. Не хотелось бы наградить тебя ломотой в костях.

Такко вдруг ощутил, как промозгло было в башне. Сердце стучало, гоня по разгорячённому телу кровь, но по позвоночнику полз противный холод. Маркграф почти сливался с тёмным камнем стены, его глазами будто смотрела сама башня, и Такко передёрнуло от странного цепкого взгляда.

– Меня ждут дела, – маркграф шевельнулся, разгоняя морок. – Агнет не вполне оправилась после дороги и не готова сегодня стрелять. Но скучать тебе не придётся – оружейная по-прежнему в твоём распоряжении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.